

Н.Н. Вохман

аспирант кафедры русской литературы Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, Красноярск

Формирование фольклорной традиции на территории Хакасско-Минусинской котловины в XVIII в.

В статье проанализирована фольклорная традиция, которая могла сформироваться в населенных пунктах, расположенных на территории Хакасско-Минусинской котловины, в течение XVIII в. Рассмотрены основные факторы, повлиявшие на ее сложение.

N.N. Vochman

The Formation of a Folklore Tradition in the Khakasia-Minusinsk Basin in the 18th Century

In article she analyses the folklore tradition, which was able to form in settlements located in the Khakasia-Minusinsk Basin in the course of the 18th Century. She examines the essential factors which influenced its establishment.

Хакасско-Минусинский край в современном административном делении – это территория Шушенского, Ермаковского, Курагинского, Каратузского и Минусинского районов Красноярского края (с 1822 по 1925 г. именуемого Енисейской губернией). К началу XVIII в. на этой территории остались мирные кочевые племена хакасов. Их взаимодействие с русским населением отразилось на культуре и фольклоре. Как отмечает К. М. Патачков, хакасы многое переняли у русских: в строительстве жилищ, ведении сельского хозяйства, изготовлении орудий производства и т.д. (1, с.38). Экономические отношения привели к тому, что оба народа начали учить язык друг друга, однако при этом сохраняли свою национальную самобытность. Что касается фольклора, то в настоящее время учеными отмечены взаимовлияния этносов лишь в некоторых жанрах сказочной прозы (2, с.6), параллели в песенном творчестве пока не выявлены.

Период зарождения восточнославянской фольклорной традиции в исследуемом ареале представляет собой научную проблему уже потому, что отсутствуют точные данные о времени возникновения населенных пунктов, лежащих южнее Абаканского острога, построенного в начале XVIII в. на правом берегу Енисея в 60 км севернее устья реки Абакан. Так, у историков нет единого мнения о дате возникновения Саянского острога и ряда форпостов, которые возникают в последующие годы. К.М. Патачков пишет, что форпосты появились в 1727 г. в связи с установлением государственной границы с Китаем (1, с.8). Таким образом, в первые 15 лет XVIII в. на территории Хакасско-Минусинской котловины еще не было постоянного населения. Солдаты несли службу один год, а затем возвращались к семьям (3, с.61).

Начало сложения народной культуры в новозаселяемом районе исследователи связывают с образованием оседлого населения (4, с.51). Но, на наш взгляд, для функционирования фольклора служилых оседлость не является определяющим фактором. Ведь, находясь на службе, казаки исполняли песни, свойственные их культуре, а также участвовали в календарных обрядах в период несения службы. В 60-х гг. XVIII в., когда они поселились на постоянное жительство в этих местах, следы их фольклора могли укрепиться в данной местности и распространиться среди крестьян.

Изучение исторических источников убеждает, что решающим этапом в заселении Хакасско-Минусинской котловины стали 40-е гг. XVIII в. В это время имело место как принудительное, так и вольное заселение территории (3, с. 82). Прежде всего правительству необходимо было наладить эксплуатацию рудных богатств Минусинской котловины (3, с.83). В ходе этого были основаны Ирбинский и Луказский заводы, работать на которые присылали крестьян и ссыльных из разных губерний России. Для них были основаны казенные поселения вблизи заводов (3, с.84-85): деревни Лугавская, Малая Минуса и Тесинская (5, с.393). В это же время, по мнению Г.Ф. Быкони, возникла деревня Шушенская (между 1740 и 1744 гг.) (3, с.87). Возможно, подобным образом уже на первом этапе колонизации возникли и другие крестьянские селения, дата оснований которых точно не установлена.

Названные выше заводы просуществовали недолго: Ирбинский законсервировали в 1742 г., Лукацкий – в 1745 г. После закрытия заводов крестьяне могли остаться на новом месте. Ссылных, у которых не было своего хозяйства, передали на заводы Восточной Сибири, остальные остались на местах, составив всего 8% населения Хакасско-Минусинского района [3, с.90]. Исследователи отмечают, что большинство ссылных по происхождению были крестьянами, которых ссылали в основном не за уголовные преступления, а вследствие «продерзостного поведения» (6, с. 49). Этот факт объясняет отсутствие бунтарских и удалых песен на исследуемой территории.

Кроме принудительного заселения исследуемой территории, в 40-е гг. XVIII в. осуществлялось и вольное ее освоение. В этот период наблюдался небывалый всплеск внутренней миграции: на южные земли пришли переселенцы из старожильческих районов Енисейского и Красноярского уездов (3, с.89).

В Красноярском уезде благодаря ссылке оказалось большое число колонистов из самых разнообразных мест государства. С.В. Бахрушин приводит данные об их происхождении: «Мы встречаем на Красном Яру уроженцев Москвы и ближайших к ней городов: москвитян, коломлетян, ростовцев; из Поволжья – романовцев, ярославцев, казанцев, нижегородцев, арзамасцев, балахонцев, тетюшан, астраханцев; наконец, с западной и южной окраин – смолян, воротынцев, путивльцев, комаричан, курчан и др.» (7, с.94). Эта этническая пестрота и разные места исхода могли затруднить сложение богатой однородной культурной традиции уже в Красноярском уезде. Следовательно, выходцы из этой территории могли принести в Минусинский округ смешанную, усредненную культурную традицию. В силу этого на территории Хакасско-Минусинской котловины могла преобладать богатейшая традиция переселенцев из Енисейского уезда.

Итак, на исследуемой территории к середине XVIII в. уже проживали крестьяне и ссылные, а в 60-е гг. в составе оседлого населения появилось казачество (3, с.93). Так, на местах форпостов возникли деревня Таштыльская, станица Суэтульская; казаки селились также в уже существующих деревнях Монок, Бейской и Арбаты (3, с. 96).

Наша работа с архивными материалами подтвердила существование данной социальной группы в Хакасско-Минусинском крае и в XIX в. Так, в архивных материалах по Шушенской волости за 1859 г. нами обнаружен «Именной список казаков», проживающих в деревнях Монокская, Означенная, Каптырева (7). Что могла дать эта социальная группа вновь образованному округу в культурном отношении? Можно предположить, что казаками могли быть принесены эпические жанры: былины и исторические песни. Так, Ю.И. Смирнов отмечает, что в 1857 г. Г. Пейзенем было сделано несколько записей эпических произведений минусинских казаков (8, с.19). Кроме того, казаки могли занести на исследуемую территорию воинский фольклор. По мнению Р.П. Матвеевой, «там, где находились казачьи станицы, встречаются казачьи, солдатские и рекрутские песни» (9, с.61). Однако произведений данных тематических групп в записях XIX-XX вв. обнаружить не удалось.

Отсутствие казачьего фольклора обусловлено тем, что сибирское казачество не представляло собой особого субэтноса, как донские или запорожские казаки. По свидетельству историков, с начала формирования енисейского казачества людей зачисляли на службу, не взирая на их сословное происхождение (4, с.56). Многие из числа сибирских казаков только по роду занятий и жалованию считались казаками, а по происхождению были крестьянами или посадскими людьми (4, с.101). Вторая причина заключалась в смене рода деятельности казаков. В конце XVIII в. их обычным делом стали земледелие и скотоводство (4, с.101). Таким образом, культура этнических казаков была мало знакома енисейским казакам и в среде последних в основном бытовали песни, свойственные крестьянскому фольклору, а количество воинских песен было незначительно. В то же время некоторые черты казачьей культуры были отмечены этнографами в селах Каратуз и Минусинск в начале XX в. Об этом упоминает Н.А. Новоселова в книге «Празднование Масленицы в Енисейской губернии в XIX – начале XX вв.», описывая обрядовое «взятие снежного городка». Исследовательница отмечает, что такая забава была характерна именно для казачьих станиц или сторожевых острогов (10, с.165-166).

В XVIII в. кроме русских казаков на территории Хакасско-Минусинской котловины могли появиться и казаки-украинцы, направляемые сюда из Красноярского острога. С.В. Бахрушин пишет, что в Красноярском остроге «значительную группу составляли “черкасы”, т.е. украинцы» (11, с.93). Наличие этой этнической группы могло обусловить проявление украинских черт в фольклоре исследуемого региона уже в XVIII в. В XX-XXI вв. было записано несколько ли-

рических песен, которые могли бытовать среди как русских, так и украинских казаков, а затем заимствоваться крестьянским населением ареала («И туда гора и сюда гора», «Прокукала кукушечка в поле на дубочке», «За туманом ничего не видно», «Молодой казачек, чего зажурился» и т.д.). Эти произведения выделяются из корпуса лирических песен данной территории по наличию в сюжете образа казака. Однако количество таких сюжетов по отношению к числу остальных песен крайне незначительно.

Вторая половина XVIII в. характеризуется внутриуездной миграцией. В это время в возникновении новых населенных пунктов большую роль играет расселение первых поселенцев Минусинского округа и образование ими новых деревень. К примеру, на исследуемой территории в это время возникают деревни Каптырева, Шунерская, Чеблахтинская, Усть-Ойская (11, с. 135–154). По подсчетам Г.Ф. Быкони, к концу XVIII в. в Хакасско-Минусинской котловине существовало около 50 селений (3, с. 108–109), в которые старожилы исследуемой территории принесли свою культурную традицию.

Продолжалось заселение территории и за счет соседних уездов. Г.Ф. Быконя отмечает, что по сравнению с первой половиной XVIII в. в это время сократились переселения на юг из Красноярского уезда, а участились переходы из соседних сибирских уездов, особенно из Енисейского (3, с. 101). По данным историков, население этого уезда в основном составляли выходцы из Русского Севера (12, с. 13; 6, с. 24). Их проживание в Минусинском округе подтверждается распространением енисейских северных фамилий на исследуемой территории (3, с. 104; 7; 12, с. 274–290), что свидетельствует о том, что в округе существовала старожильская фольклорная традиция, характерная для переселенцев из Енисейского уезда.

Изучение исторического материала и фольклорного контекста позволяет нам реконструировать те фольклорные жанры, которые могли существовать на данной территории в XVIII в. Как и казаки, крестьяне из старожильских мест Енисейского уезда могли принести в Минусинский округ былины. Такое предположение позволяет сделать публикации эпической поэзии Енисейского уезда. Как отмечено в книге «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока», район Енисея и Ангары занимает второе место по числу сюжетов среди других территорий Сибири и Дальнего Востока (8, с. 19). Однако в Минусинском округе в записях XIX и XX вв. был зафиксирован сюжет только одной былины «Суровец». Составители свода эпической поэзии отмечают, что она является редким вариантом былины, которая бытовала на Нижегородчине (8, с. 485). Можно предположить, что эта былина, имеющая южные параллели, могла быть принесена в XVIII в. казаками, так как казачье население было пестрым по этническому составу и местам исхода. Однако нельзя исключать версию, что этот вариант мог быть принесен и поздними переселенцами в XIX в., когда Нижегородская губерния была одной из территорий, откуда шел отток населения в Сибирь.

Не записано на данной территории былины «Илья Муромец на Соколе-корабле», которая бытовала в Енисейском уезде в качестве «виноградий» – песен, исполнявшихся в канун Рождества (8, с. 384). Между тем в селах Тесь и Каратузское, образованных в 40–50-х гг. XVIII в., зафиксировано бытование колядок с припевом «Виноградье красно-зеленое». Первый вариант записан в начале XIX в. М.В. Красноженовой, второй – во второй половине XX в. К.М. Скопцовым.

с. Тесь

Походили, походили колядовщики,
Да виноградье, да красно-зеленое.
Да поискали, поискали государев двор.
Да виноградье, да красно-зеленое.
Да на семи верстах, да на шести столбах.
Да виноградье, да красно-зеленое.
Как во этом тереме да сидит девичья душа
Да виноградье, да красно-зеленое.
Как по имени Наталья Ивановна.
Да виноградье, да красно-зеленое.
Она шила, вышивала три шириночки.
Да виноградье, да красно-зеленое.
Уж как первую шириночку – батюшке,
Да виноградье, да красно-зеленое.

с. Каратузское

Еще ходят гуляют колядовщики.
Виноградье красно-зеленое!
Еще ищут-поищут государев двор.
Виноградье красно-зеленое!
Государев-то двор да далеко стоит.
Виноградье красно-зеленое!
На семи верстах да на восьми столбах.
Виноградье красно-зеленое!
Столбы точеные да позолоченные.
Виноградье красно-зеленое!
А вокруг двора да все железный тын.
Виноградье красно-зеленое!
А на каждой тынинке да по маковке.
Виноградье красно-зеленое!

Уж как вторую шириночку – матушке,
Да виноградь, да красно-зеленое.
Уж как третью шириночку – суженому.
Да виноградь, да красно-зеленое.
Да коляда, коляда, мне дай пирога.
Да виноградь, да красно-зеленое.
С праздником хозяйин с хозяйшкой!

(ККМ о/ф 7886/125)

А на каждой маковке золоченый крест.
Виноградь красно-зеленое!
У двора ворота все решетчатые.
Виноградь красно-зеленое!
У ворот трава вся шелковенькая.
Виноградь красно-зеленое!
Уж как сам-то хозяйин – светел месяц!
Виноградь красно-зеленое!
А хозяйшка – красно солнышко!
Виноградь красно-зеленое!
А их деточки – часты звездочки!
Виноградь красно-зеленое!
Как хозяйин-господин на крыльцо выходил.
Виноградь красно-зеленое!
На крыльцо выходил масло, сыр выносил,
Виноградь красно-зеленое!
Масло, сыр выносил, по рублю дарил.
Виноградь красно-зеленое!

(13, с. 8)

Как отмечают исследователи, именно этот припев был распространен на Русском Севере, а затем принесен в Сибирь первыми переселенцами (13, с.148). Сказанное выше позволяет утверждать, что на территорию Минусинского округа колядки с таким припевом были принесены выходцами из Енисейского уезда.

Черты старожильческой севернорусской традиции проявились и в других песенных жанрах. Так, среди свадебных текстов, зафиксированных в XIX в. в деревнях, возникших в XVIII в. (с. Бея, с. Тесь, дер. Каптырева), мы находим прямые текстуальные совпадения с 8 свадебными песнями Казачинской волости и 4 песнями Ангарской свадьбы (песни девичника, дня свадьбы, причитания невесты-сироты, величания гостям). Приведенный ниже текст – лишь один пример подобных совпадений.

дер. Каптырева (Минусинский округ)

У бродя-бродочка,
У калинова мосточка
Там катилась карета,
Каретушка не простая, золотая.
Еще кто сидит в карете?
Что не голубь с голубицей,
Молодец с красной девицей,
Что (имя жениха и невесты).
И (имя невесты) плачет и рыдает,
А (имя жениха) ее унимает:
Ты не плачь, не плачь, (имя невесты),
Я из неги тебя беру в негу,
Я из воли тебя беру в волю,
Я от батюшки тебя беру к батюшке,
Я от матушки тебя беру к матушке,
Ты куда пойдешь, так спросися,
А от коле придешь, так скажися.
И (имя невесты) ему отвечала:
Ваше черт это, а не воля,
Проклятое это замужество.

[14, с. 18]

с. Казачинское (Енисейский округ)

Катилась каретка на мосточку,
В этой каретке сидит голубь с голубицей,
Молодец с красной девицей.
Она плачет и рыдает,
К каретке припадает.
Александра ее унимает:
Не плачь, не плачь, красавица,
Я тебя изнежу, я тебя изволю;
Ты от тятеньки идешь к тятеньке,
Ты от маменьки идешь к маменьке,
От сестрицы идешь к сестрице,
От братцев идешь к братцам...
– Черт твоя не нега,
Черт твоя не неволя,
Меня маменька изволит,
Меня тятенька изнежит,
Мне у тятеньки жить лучше,
У маменьки вольней:
Куда пойду – не спрошусь,
Откуль приду – не скажусь.

[15, с. 72]

Н.А. Новоселова указывает, что Казачинская земля в XVII в. заселялась прежде всего выходцами из северных и северо-западных губерний России и на этой территории сохранилась старожильческая севернорусская культурная традиция (16, с.3). Таким образом, отмеченные параллели свидетельствуют о том, что выходцы из Енисейского уезда распространяли на исследуемой территории старожильческую культурную традицию. Что касается территории При-

ангаря, то, как известно, она заселялась выходцами из Енисейского уезда. Так, Л.В. Голузо отмечает: «Енисейский уезд был как бы резервуаром, откуда массы русских переселенцев продвигались на восток по Ангаре» [17, с.159]. Следовательно, на Ангаре и в исследуемом округе оказались выходцы из одной местности – носители одной культурной традиции.

Кроме того, проявлением старожильской культуры является бытование на данной территории отдельных сюжетов традиционной протяжной лирики. Так, в Минусинском округе в XIX в. в Тесинской и Шушенской волостях (18, с.99), а в XX в. в с. Шушенское и в с. Мигна Ермаковского района была зафиксирована протяжная песня «Енисей» (19, вып. 2, с.150-153). Она является вариантом песни «Енисеюшка», записанной в Енисейском уезде (19, вып. 1, с.7). Записи, сделанные в разных деревнях Минусинского округа на протяжении столетия, свидетельствуют о популярности и распространенности этой песни.

На территории Минусинского округа были записаны также и сюжеты вечерочных песен, параллели которым мы находим среди вечерочных песен Казачинской волости (16, с.47, 55-56). В частности, «Верный ты наш колодец», записанная в XX в. в с. Каптырево, «По ельничку, по березничку» – в конце XIX в. в деревне Означенной, «Как на талую землю выпала пороша» – в XX в. в с. Ермаковском. Как было отмечено выше, на территории Казачинской волости сохранилась старожильская севернорусская фольклорная традиция. В связи с этим наличие в Минусинском округе сюжетов вечерочных песен, схожих с казачинскими, мы можем считать проявлением старожильской культуры, имеющей севернорусский генезис.

Итак, решающим этапом в формировании фольклорной традиции в Минусинском округе стали 40-е гг. XVIII в., когда на исследуемой территории появилось оседлое крестьянское население. На протяжении столетия в сложении традиции участвовали разные социальные группы, которые, однако, в генезисе в большинстве своем восходят к крестьянству, что обуславливает незначительное количество как воинских, так и удалых песен. В силу миграционных процессов в рассматриваемый период на исследуемой территории господствующей была культура выходцев из Енисейского округа. Ее влияние обнаруживается в значительной степени в свадебной лирике и колыдках, и рудиментарно – в традиционной протяжной лирике и в вечерочных песнях.

Процесс формирования фольклорной традиции на территории Минусинского округа в XIX–XX вв. должен стать предметом дальнейшего изучения.

Литература

1. Патачков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом. XVIII–XIX вв. – Абакан, 1958.
2. Прищепа Е.В. Традиционное представление русских старожилов Хакасско-Минусинского края о духах – хозяевах дома, леса и о народной магии. – Абакан, 2006.
3. Быконя Г.Ф. Заселение русскими юга Приенисейского края. – Новосибирск, 1973.
4. Красноярье: пять веков истории. – Красноярск, 2005.
5. Енисейский энциклопедический словарь / гл. редактор Н.И. Дроздов. – Красноярск, 1998.
6. Колесников А.Д. Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XIX в.). – Новосибирск, 1975.
7. Минусинский филиал ГАКК, ф. 42, оп. 1, д. 1007; ф. 42, оп. 1, д. 48.
8. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1993.
9. Матвеева Р.П. Собирающие русского фольклора в Сибири // Русский фольклор. Т. 22. – М.-Л., 1984.
10. Новоселова Н.А. Празднование Масленицы в Енисейской губернии в XIX – начале XX вв. – Красноярск, 2004.
11. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири // Научные труды. Т. 3. Ч. 1. – М., 1955.
12. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. – Новосибирск, 1965.
13. Песни земли Каратузской / сост. К.М. Скопцов. – Красноярск, 2002.
14. Обряды и песни русской простонародной свадьбы южной части Минусинского округа // Сибирский сб. – 1894. – Вып. 4.
15. Арефьев, В. С. Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии // Известия ВСОИРГО. – 1901. – Т. 32. – № 1-2.
16. Новоселова Н.А. Казачинские вечерки. – Красноярск, 1994.
17. Голузо Л.В. Фонетическая система старожильского говора Богучанского района Красноярского края: автореф дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 1973.
18. Этнографические сведения Тесинской волости // Архив РГО, разр. 57. оп. 1, д. № 3.
19. Русские народные песни Красноярского края. Вып. 1-2. – М., 1959.